Irena Merano

На моей совести — живые

Irena Irena Merano

На моей совести — живые

«Автор»
2026

Irena Merano I.

На моей совести — живые / I. Irena Merano — «Автор», 2026

Некоторые преступления совершают из ненависти. Другие — из любви.Но самые страшные начинаются с милосердия.Однажды казнь пошла не по плану. Приговорённая осталась жива. Девятнадцать человек погибли.С тех пор каждый, кто был там, хранит собственную версию случившегося.Одни лгут, чтобы спасти любимых. Другие говорят правду, зная, что она уничтожит невиновных. А некоторые тайны лучше бы навсегда остались погребены вместе с мёртвыми.Но у этой истории есть ещё один свидетель.Тот, кого никто никогда не допрашивал.Тот, кто помнит каждую смерть.И тот, кому вы поверите раньше остальных.Напрасно.Потому что иногда самое опасное чудовище — не тот, кто убивает.А тот, кто однажды решил пощадить.

© Irena Merano I., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Железо не возражает 6
Глава 2. Девятнадцатый столбец 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Irena Merano
На моей совести — живые

На моей совести — живые
Irena Merano

Глава 1. Железо не возражает

Я ни разу не промахивался. Так я думал до того утра, когда осуждённая осталась жива, а на берегу насчитали девятнадцать мёртвых.

Разумеется, это заслуга не только моя. Для хорошей казни нужны трое: человек, который подписывает приговор, человек, который держит топор, и топор, не имеющий привычки спорить. Я занимал третью должность и потому считался самым надёжным участником.

Судья мог выпить лишнего. Палач — полюбить осуждённую, возненавидеть её или внезапно разувериться в справедливости. У железа подобных слабостей не предполагалось.

В этом, пожалуй, и заключалась главная ошибка людей.

Меня выковали семь лет назад. Первые три месяца я рубил поленья, что было скучно, но честно: дерево никогда не делало вид, будто заслужило удар. Потом прежний палач уронил свой топор в реку, а кузнец, у которого я служил, решил, что широкий обух и правильно выведенная кромка стоят больших денег. Он оказался прав.

С тех пор моей работой стали шеи.

Не спрашивайте, откуда у топора берутся мысли. Я не знаю, откуда они берутся у людей, а у них, судя по результатам, с этим гораздо больше неприятностей. Я могу чувствовать давление ладоней, движения дерева в рукояти и дрожь того, во что втыкаюсь. Голоса доходят до меня, когда люди стоят близко. Свет я вижу на кромке, как кривое отражение в воде. Это не слишком удобное устройство для наблюдения за миром, зато никто не требует от меня свидетельских показаний.

В то утро казнить собирались Седу, хозяйку старой переправы.

Казнь назначили на Соляной косе. Там река выходила к морю, и во время отлива можно было пройти по настилу до маленького помоста над тёмным илом. Начальство любило это место: после казни прилив забирал кровь, а вместе с нею — необходимость мыть доски.

Через час вода должна была вернуться. Об этом знали все. Даже я, хотя плавать меня никогда не учили.

Дорн, мой палач, держал меня привычно — не крепко, не слабо. У него были тяжёлые ладони с короткими пальцами и дурная привычка без причины поглаживать рукоять большим пальцем. Когда он тревожился, под ногтем поскрипывала старая заусеница. В тот день она скрипела с самого рассвета.

— Не нравится мне это, — сказал он.

Я мысленно согласился. Обычно мне не нравились казни по понедельникам, публичные казни и казни при сильном ветре. Сегодня было всё сразу.

По соседству с помостом стояла Ина — плотница, построившая зрительский настил. Ей было около сорока, и она привыкла смотреть на дерево так, как судьи смотрят на людей: в поисках скрытой трещины.

— Кто велел запереть выход? — спросила она.

Стражник по имени Кел тряхнул связкой ключей. Звук прокатился по настилу, добрался до моих металлических щёк и неприятно зазвенел.

— До конца казни никто не выходит. Приказ смотрителя.

— Калитка открывается внутрь.

— Я знаю, как открываются калитки.

— Тогда ты знаешь, что толпа прижмёт её своими телами. Сними засов.

— После казни.

Ина замолчала. Это я запомнил особенно хорошо: она не стала спорить второй раз. Возможно, потому, что засов изготовили по её чертежу. Возможно, потому, что все вокруг при-

выкли выполнять распоряжения людей, которые никогда не стояли на мокрых досках в час прилива.

Не стоит осуждать её слишком быстро. У каждого из нас были свои причины не возражать. Я, например, собирался молчать ещё очень долго.

Зрителей было много. Я не мог сосчитать их по отражениям на кромке, но чувствовал, как настил дрожал от шагов. Люди ждали смерти Седы с тем нетерпением, с каким ждут начала ярмарки. Некоторые пришли с детьми. Другие принесли еду. Один торговец кричал, что после казни цена на пироги поднимется, и торговля у него шла превосходно.

Под помостом кто-то развернул бумажный билет. Я услышал сухой треск — не сам билет, конечно, а то, как мужчина щёлкнул ногтем по плотному картону, поднося его к руке распорядителя.

— Два медяка за ближний ряд, — сказал распорядитель. — Включая сбор на безопасность.

— А безопасность где? — спросил мужчина.

— В билете указана.

Мужчина засмеялся. За ним — несколько соседей по ряду. Люди умеют принимать шутку за ответ, если шутка позволяет им не уходить с хорошего места.

Тот же распорядитель окликнул стражника возле лестницы:

— На служебный ход не пускать никого, даже если начнут просить. Это не для публики.

— А если понадобится вывести раненого? — спросил стражник.

— Тогда получите особое распоряжение.

Он сказал это без угрозы. Даже без раздражения. Просто назвал порядок вещей, и окружающие приняли его с тем лёгким облегчением, с каким принимают всё, за что уже заплачено. Я не мог видеть служебную лестницу с колоды. Но голос распорядителя доносился отчётливо, и потому спустя два года мне было с чем сравнить сухие строки расходной ведомости.

В тот день я не задал себе ни одного вопроса. Мне ещё казалось, что до начала казни ни один важный выбор не был сделан.

Недалеко от платных рядов стояла женщина с дочерью. Позднее я узнаю их имена — Марта и Тая. Они не купили сидячего места. От Эрна мне станет известно, почему это было важно: за сидящих казна отвечала по одному списку, за стоящих — по другому. Но в ту минуту разница казалась пустяком: на настиле все стояли на одних досках.

— Мама, если страшно, можно уйти? — спросила девочка.

— Сейчас уже нельзя, — ответила Марта. — Дверь заперли.

Я слышал эти слова и не счёл их важными. Мне предстояло одно движение, и я привык думать, что всё существенное помещается в его длину.

Седа заслужила суд. Это важно.

В ночь большого разлива она приказала оттолкнуть последний паром от берега, хотя на причале оставались люди. На пароме ещё было место, но за переправу потребовали двойную плату. У оставшихся денег не нашлось. Девять человек утонули. Троих сняли с крыш на рассвете.

Седа не отрицала случившегося. На суде она сказала, что спасала товар и тех, кто уже заплатил. Сказала без слёз, без красивых речей. А когда её спросили, раскаивается ли она, ответила:

— Я помню всех, кому отказала. Это единственное, что у меня осталось.

Мне пересказали эти слова в кузнице за день до казни. Люди любят повторять чужие признания. От этого собственные поступки кажутся им легче.

Осуждённую привели без обуви. Грязь на её ступнях была серой, почти серебряной. Лицо я различал плохо: слишком коротко и криво отражалось оно в моём лезвии. Зато заметил руки.

Её запястья были стянуты верёвкой, но пальцы оставались спокойными. Так держат руки люди, которые уже совершили выбор и больше не пытаются сделать вид, будто выбора не было.

Дорн поставил меня на колоду.

— Если хочешь что-нибудь сказать, говори сейчас, — произнёс он.

— Вы это говорите всем?

— Да.

— И кому-нибудь помогает?

Дорн не ответил.

За зрительской оградой заплакала женщина. Не громко. Её плач сорвался совсем близко от помоста и отозвался слабым дребезгом в железе. Кто-то назвал имя мальчика — одного из тех, кто остался на затопленном причале. Рядом с плакавшей стояла девочка в чужой, слишком большой куртке.

Седа повернула голову туда, к голосу.

— Я вас помню, — сказала она.

Женщина перестала плакать.

— Тогда смотри, — ответила она. — Смотри, как это делают с тобой.

Я знал, что должно случиться дальше. Дорн поднимет меня над плечом. Вдохнёт. На миг задержит дыхание, чтобы удар не ушёл в сторону. Я пройду короткую дугу, а всё, что люди успели сказать друг другу, останется без ответа.

Таков порядок.

Но смотритель, стоявший рядом с судейским столом, поднял ладонь.

— Подождите, — сказал он.

Дорн остановился.

— Поверните её лицом к зрителям. Пусть увидят, что она не просит прощения.

Седу развернули. Один из стражников дёрнул её за связанные руки, и она упала коленом на мокрую доску. Толпа зашумела с явным удовольствием. Судья смотрел на происходящее так, будто его самого никто не видел.

Дорн поднял меня снова.

Вот тогда я впервые понял, что казнь и удовольствие от казни — не одно и то же. До той минуты мне казалось, будто я служу приговору. Оказалось, я служу зрителям. И от меня требуется не просто отнять жизнь, но сделать это красиво и вовремя, чтобы никто не ушёл разочарованным.

Я не считал Седу невиновной. Не верил, что девять утонувших вернутся, если она проживёт ещё день. Не собирался её спасать.

Я просто не захотел выступать.

Дорн начал удар.

Тут следует пояснить одну вещь. Топор не может самостоятельно пройти по комнате, открыть дверь или ударить человека. Мне нужны чужие руки. Я могу только чуть-чуть изменить собственное положение в них — настолько мало, что даже сам не всегда понимаю, получилось ли. Обычно я никогда этого не делал. Хорошему инструменту не положено сопротивляться.

В тот раз я сместил тяжесть к обуху.

Совсем немного. На ширину ногтя.

Лезвие ударило в колоду рядом с шеей Седы.

Доска треснула. Дорн пошатнулся и инстинктивно выругался. Седа осталась стоять на коленях — живая, оглушённая, с белой щепкой, прилипшей к щеке.

На одно мгновение вокруг стало тихо.

Потом кто-то закричал:

— Он её пожалел!

Другой голос ответил:

— За деньги пожалел!

Сначала в ограду полетел комок грязи. Потом камень. Стражник вскинул арбалет — не в человека, а над головами. Болт пробил навес у судейского стола. На зрительском настиле люди отшатнулись, те, кто стоял позади, решили, что их толкают к помосту, и рванули вперёд.

Я слышал это не как шум. Как удар множества ног по одной огромной доске.

— Открой калитку! — закричала Ина.

Кел уже добежал до выхода, но засов не поддался. Первые люди навалились на створку с внутренней стороны, прижимая её к стойкам. Калитка открывалась к ним, а не от них. Чтобы снять засов, нужно было сперва оттеснить толпу назад.

В толпе никто не собирался отступать.

Дорн отпустил мою рукоять. Я остался в колоде, бессильный и очень хорошо заточенный.

— Не к ограде! — кричал он. — Назад, к помосту! Там есть место!

Но ему не верили. Человек, который только что промахнулся топором по шее, редко пользуется доверием публики.

Судья приказал стражникам удерживать проход. Ина бросилась к Келу и ударила его по руке, пытаясь выхватить связку ключей. Я не видел самого удара, зато услышал треск рукава и звон упавшей связки.

Под досками заговорила вода.

На Соляной косе прилив приходил быстро. Сначала в канавках появлялась пена, потом течение пробегало под настилом, а затем вода за несколько минут поднималась выше колена. В тихий день это выглядело красиво. В тот понедельник людям было не до красоты.

Часть зрителей полезла через ограду. Кто-то прыгнул в ил и обнаружил, что стоять там невозможно. Кто-то пытался подтянуть детей наверх. Между досками застряла нога. Сломалась перекладина. И над всей этой неразберихой разносился один и тот же приказ, который никто уже не мог выполнить:

— Не толкаться!

Седа тем временем поднялась с колен.

Её руки оставались связанными. На помосте больше никто за ней не следил. Она могла уйти по служебному трапу, пока стражники бросались к толпе. Я видел его отражение: две сухие ступени, темнеющие камни, пустая тропа между соляными кучами.

Шагов к трапу я так и не услышал.

Седа опустилась у края настила, подставила связанные руки под крепёжную скобу и стала тереть верёвку о металл. Дорн увидел её и шагнул ближе, но вместо того чтобы схватить, сунул ей под кисти небольшой рабочий нож.

Это я заметил особенно отчётливо. Палач, отпустивший топор, впервые в жизни подал осуждённой лезвие рукоятью вперёд.

Освободившись, Седа побежала к зрительскому настилу.

Не к выходу — это я узнал позднее, из рассказов очевидцев. Седа бросилась к девочке в большой куртке, которую уже несли поверх голов. Она сняла с себя верёвку, сделала из неё петлю и крикнула людям передать ребёнка вперёд. Мать девочки узнала её и ударила по лицу. Седа не отступила. Она обвязала петлёй выступ столба, проверила узел и продолжила вытаскивать девочку из давки.

В суматохе я расслышал крик Марты — короткий, надорванный, совсем не похожий на приказ стражника:

— Не смей её трогать!

Я тогда решил, что она обращается к толпе. Говорю «решил», хотя мог только догадываться. Позднее мне объяснят, кого именно она пыталась оттолкнуть от дочери. Но в тот день

девочка ещё висела над чужими головами, а женщина, которая оставила девятерых тонуть, первой протянула к ней верёвку.

Удивительное сочетание. Люди не любят, когда их ненависть вдруг оказывается не ко времени.

Я бы охотно рассказал, сколько человек она спасла. Но я видел лишь руки, мелькнувшие на моей кромке, и кусок мокрой верёвки. Всё остальное узнал позже, когда люди начали говорить о случившемся — каждый по-своему.

Кто-то утверждал, что Седа спасла троих.

Кто-то — что лишь одного.

Брат утонувшего паромщика говорил, что она никого не спасала и всё подстроила заранее.

У меня не было причин верить одному свидетелю больше, чем другому. Я только знал, что женщина, отнявшая у людей места в лодке, теперь пыталась освободить им место на настиле.

Прилив отступил лишь к вечеру.

Когда меня извлекли из колоды, кровь на лезвии отсутствовала. Зато на деревянном настиле остались сломанные доски, чья-то обувь, расплющенная корзинка с пирогами и девятнадцать тел.

Девятнадцать — число, которое я узнал позднее, от писаря. Не от Дорна. Дорн в тот вечер ни разу не произнёс ни одного числа.

Меня положили у береговой стойки. В нескольких шагах Дорн сидел, свесив ладони в воду. Ина стояла рядом; её речь звучала сбивчиво, а в узком отражении на кромке я видел брошенные между ними ключи Кела. Самого Кела поблизости не было.

— Я предупреждала, — сказала Ина.

Дорн не ответил.

— Я видела, что створку развернули не туда. Я могла снять засов сама. До начала.

— Я мог не промахнуться, — произнёс он наконец.

— И тогда девятнадцать человек были бы живы?

Он посмотрел на неё.

— Не знаю.

— Вот именно.

В этих двух словах не было утешения. Ина могла бы обвинить Дорна. Дорн мог бы обвинить стражника. Оба могли бы обвинить судью, прилив или осуждённую. Но каждый слишком хорошо помнил, что сделал и чего не успел сделать.

Ночью Седу снова отвели под стражу. Она не убежала. Когда ей сказали, что приговор остаётся в силе, она попросила лишь об одном: не проводить следующую казнь на Соляной косе.

Я услышал это из уст стражника, который пришёл забрать меня из сарая.

— Ещё и распоряжается, где её рубить, — сказал он.

Его товарищ, застёгивая мешок, ответил:

— А ты бы туда вернулся?

Мне хотелось спросить то же самое у них обоих. Но железо не разговаривает с людьми. По крайней мере, моё железо.

Утром меня положили на стол перед смотрителем, кузнецом и писарем. У каждого была собственная версия происшедшего. Смотритель говорил о мятеже. Писарь — о несчастном случае. Кузнец рассматривал кромку, пытаясь отыскать скол, который объяснил бы промах.

Он не нашёл ничего.

— Железо исправно, — сказал кузнец.

— Тогда виноват палач, — с облегчением заключил смотритель.

— Он ударил как обычно, — возразил кузнец.

— Топор сам в сторону не уходит.

Мне впервые захотелось рассмеяться. Прекрасно устроены люди: даже когда говорят правду, ухитряются ошибиться.

Смотритель некоторое время молчал. Потом накрыл меня листом грубой бумаги, словно бумага могла избавить его от необходимости смотреть на хорошее, исправное орудие.

— Перековать, — приказал он. — Нечего хранить вещь, на которую теперь все будут показывать пальцем.

Кузнец кивнул.

— Во что?

Смотритель пожал плечами.

Ина стояла у двери. Я не заметил, когда она вошла. Под мышкой у неё были сложенные чертежи нового настила.

— Мне нужны две петли для калитки, — сказала она. — Чтобы на этот раз створка открывалась наружу.

Кузнец поднял меня за рукоять, прикинул вес.

— Здесь железа хватит на большее.

— Остальное отдайте тем, кто остался без работы после казни, — сказала Ина. — Пусть каждый возьмёт то, что сумеет использовать.

Я счёл это унижением. Семь лет служить правосудию, чтобы окончить жизнь дверной петлёй! Но моё возмущение никого не интересовало.

В то утро я впервые испугался не смерти.

Я испугался, что меня сделают несколькими вещами сразу.

Глава 2. Девятнадцатый столбец

Есть вещи, которые люди считают неприличным обсуждать в присутствии покойника. Например, цену досок для его гроба. Мне же за семь лет службы довелось узнать, что мёртвые обходятся городу гораздо дороже, когда остаются без имени.

Во вторник после казни меня положили на стол в кузнице Тива. Он был человеком рассудительным: прежде чем расколоть вещь, старался выяснить, кто за неё заплатит. Смотритель Вель распорядился перековать меня за казённый счёт. Казна, как оказалось, распоряжение не получила. Поэтому Тив уложил меня между подковой и сломанным засовом и отправился искать писаря.

Я не возражал. После Соляной косы меня пугал каждый удар молота, даже тот, который приходился по соседнему железу.

У двери раздались шаги. Ина вошла, не снимая рабочего передника. На воротнике засохла коричневая полоска ила. Кузнец предложил ей воды; она отказалась.

— Я принесу деньги за петли, — сказала она. — Сколько ты просишь?

— За петли ничего. За работу — две серебряные. За уголь — ещё одну.

— Три?

— Я не собираюсь брать плату с погибших. Они ненадёжные заказчики.

Он всегда шутил так, будто сначала вынимал из слова гвоздь, а потом забивал обратно.

Ина обошла стол и остановилась рядом со мной. Обычно люди замечали моё лезвие. Она рассматривала рукоять, а точнее — чёрную метку возле крепления. Дорн оставил её в прошлом году, когда случайно прижал дерево горячей кочергой.

— Он привык держать его здесь, — сказала она.

— Чего?

— Большой палец. У самого обуха. Когда нервничал.

Ина знала Дорна меньше, чем я, но уже видела его слишком внимательно. Мне это не понравилось. У инструмента бывают ревнивые чувства; просто ему редко представляется случай признаться.

— Тебе велели строить новый настил? — спросил Тив.

— Велели нарисовать.

— Не одно и то же.

— Вот именно.

Он отложил клещи.

— Сгоревший дом легче нарисовать, чем построить. С развалившимся мостом ещё хуже. У тебя людей хватит?

— Людей? Вчера на настиле были мои ученики. Один сломал руку. Второй теперь не разговаривает. Так что людей у меня двое, но в наличии — ни одного.

Кузнец ничего не сказал. Молот на другом конце мастерской продолжал бить по железу, и у меня возникло нелепое желание прикрыть собой звук.

Вошёл писарь Эрн, нёсший под мышкой большой счётный журнал. Он держал его осторожнее, чем Дорн когда-либо держал меня.

— Ты должен подписать заключение, — сказал он Тиву. — Орудие исправно, верно?

— Да.

— Значит, промах — ошибка исполнителя.

— Я не говорил второго.

— Первое подразумевает второе.

— Если у тебя целый сапог, Эрн, из этого следует, что идти ты умеешь?

Писарь вздохнул и разложил журнал на соседней лавке. Из него выпал узкий лист, исписанный двумя столбцами. В одном были фамилии, в другом — суммы. Люди изобрели весьма удобную вещь: пока имя стоит слева, смерть можно записать справа.

— Девятнадцать, — сказал Эрн. — Так решил осмотрщик. Но у меня восемнадцать имён.

— Кого нет? — спросила Ина.

— Неопознанное тело. Возможно, молодая женщина или подросток; точнее установить не удалось. На берегу никто не опознал.

— С обувью? — спросила она.

— Нет.

Ина замерла. Я услышал, как под её пальцами чуть скрипнула деревянная кромка стола.

— На настиле была женщина в зелёной юбке, — произнесла она. — Она раздавала детям воду. Когда началась давка, побежала к наружной ограде. Это может быть она.

— И как её звали?

Ина молчала.

— Мне нужно имя, — повторил Эрн. — Или придётся записать: «Лицо без установленных родственников». В таком случае деньги пойдут обратно в казну.

Эрн постучал пером по пустой графе, прежде чем дописать заголовок.

— Если через год имя не установят, эту долю вернут в городской остаток, — сказал он.

— А если мать ещё ищет дочь? — спросила Ина.

— Я не могу вписать живого человека как мёртвого. И не могу держать казённую строку пустой вечно. Эти два правила составлены разными людьми. Оба считали себя разумными.

Ина попросила у него перо.

— Зачем?

— Напишу рядом, что никто не должен решать за Майру.

— Это не свидетельство, — сказал Эрн.

— А девятнадцатая строка — свидетельство?

Он подвинул к ней лист, но перо оставил у себя. Говорил об осторожности и о том, как легко ошибиться. По его сбивчивому голосу я предположил, что это не лицемерие: он боялся собственной ошибки. Тем страшнее для меня стало позднее увидеть, как именно этот человек первым решится написать имя, которого не знал.

Ина не получила пера. Она запомнила расположение пустой строки, будто и её однажды могли призвать к ответу за чужую надпись.

Он повернул лист белой стороной вверх. В эту минуту мне не пришло в голову, что однажды он нарушит собственное правило. А ему, кажется, уже пришло.

— Какие деньги? — спросила Ина.

Писарь смотрел на неё с удивлением человека, обнаружившего, что кто-то не знает любимого правила его профессии.

— По уставу владельца настила. За каждую смерть на общественном сооружении полагается выплата. Если несчастный случай подтверждён. Если признан бунт, не полагается ничего.

— А что произошло? — спросила Ина.

— Вот это и пытаются решить.

— Люди умерли.

— В журнале нужен вид происшествия.

Мне когда-то казалось, что я самое бесчувственное орудие правосудия. Но за семь лет службы я не видел человека, который мог бы с таким спокойствием переложить девятнадцать смертей из одного столбца в другой.

Эрн не был жесток. Он опустил глаза на лист, осторожно расправил уголок и сказал:

— Вдова с улицы Камышей пришла утром. У неё пропала дочь. Я показал ей описание тела. Она сказала, что это не её девочка. Понимаешь? Я не могу вписать имя против её воли, даже если она ошибается.

Ина спросила, где вдова. Писарь назвал двор у соляного склада.

— Её зовут Майра, — добавил он. — Дочь — Нета. Майра не считает девочку погибшей. Она ищет её в каждом доме, где открывают дверь.

После его слов кузница будто сделалась теснее.

Вскоре в кузницу зашёл человек с длинной царапиной на запястье. Он искал Кела, стражника, чья связка ключей осталась на берегу. По мнению смотрителя, Кел сбежал. По мнению тех, кто потерял близких, — спрятался. Человек спрашивал, не видел ли кузнец его ножа; Тив ответил, что не видел даже самого Кела.

— Он был у служебной лестницы, — неожиданно сказала Ина. — Когда вода поднялась, я слышала, как кто-то кричал оттуда. Но это мог быть кто угодно.

Ина замолчала, но мужчина с царапиной не уходил. Он принёс не просьбу о розыске Кела, а обрывок пропуска. На нём, по его словам, значилось, что в утро казни у служебной лестницы должен был стоять второй стражник. Тот не явился: его перевели встречать платных зрителей.

— Пропуск ничего не доказывает, — сказал Эрн. — На нём нет времени перевода.

— Я не прошу доказать, — ответил мужчина. — Я прошу сохранить.

Эрн помедлил и положил бумагу между страницами журнала, не приклеивая к делу. В тот день это показалось мне обычной осторожностью писаря. Позднее я пойму, что всякий лист, оставленный «до выяснения», может прожить гораздо дольше человека, которого собирались им объяснить.

— А если бы на его месте был другой стражник? — спросила Ина.

— Не знаю, — сказал Эрн. — Нельзя вписать в свидетельство о смерти человека, который мог бы прийти.

Её короткий, злой смешок был единственным ответом. Оказалось, что даже чертёж не так опасен, как предположение, будто всё можно было исправить одним лишним человеком.

— Ты должна сказать об этом на разборе, — заметил Эрн.

— Я много чего должна была сказать вовремя.

Писарь поспешно закрыл журнал. В его переплёт попала нитка, и он долго пытался вытащить её, не порвав страницу. У людей есть особый талант заботиться о бумаге, когда они не знают, как позаботиться друг о друге.

Вскоре в кузницу вошла женщина, у которой на локте висела пустая корзинка. Она принесла список погибших, переписанный от руки, и попросила заверить его печатью.

— Это не тот список, — сказал Эрн, взглянув на первые строки.

— А это не те люди, которых вы считаете, — ответила она.

Женщину звали Лиса. Её брат погиб на крайней перекладине. В казённом списке он значился «подёнщиком без иждивенцев», потому что не был женат. Лиса объяснила, что на его заработок жили две их младшие сестры; одной едва исполнилось девять. Эрн показал устав: кормильцем признавался супруг или родитель. Брат в это определение не помещался.

— Поменяйте слово, — попросила Лиса. — Напишите: «содержал семью».

— Тогда придётся менять всю форму, — сказал писарь.

— Измените форму.

Он собрался отвечать привычным «не могу», но Тив, до сих пор работавший у горна, бросил молот на наковальню. Звук был такой, что я невольно вспомнил о собственной переплавке.

— Эрн, — сказал кузнец, — форму кто сделал?

— Управление.

— А управление из людей состоит?

— К сожалению, да.

— Тогда можно хотя бы спросить.

Писарь молча забрал лист Лисы. Пообещать он ничего не смог, но записал имя её брата отдельно, на полях. Впервые за день он добавил в документ не предусмотренную графу, а человека.

Когда женщина ушла, Ина спросила, сколько будет стоить новая калитка, если в ней сделать проход шире, чем требуется по уставу. Тив назвал сумму. Она попросила записать долг на её имя.

— Ты и так потеряла заказ, — сказал он.

— Зато я больше не намерена строить только то, что помещается в чужую форму.

Ина говорила твёрдо, но я различил, как дрожат её пальцы на столе. Слова не возвращали ей учеников. И лишние деньги у неё от них не появлялись.

Позднее привели Дорна.

Он пришёл без цепей, но со стражником. На правой руке у него была тугая повязка. Значит, я всё-таки повредил ему кисть, когда сместил тяжесть. До этого момента я не думал о его боли. Мне было удобнее считать себя единственным, кто совершил выбор.

— Требуют проверить, не подпиливали ли рукоять, — сказал стражник.

Тив снял меня с лавки. Повернул к свету. Под ногтями у него была сажа; на моей стали остались следы влажной угольной пыли. Он проверил посадку лезвия, простучал обух, осмотрел клин.

— Никаких повреждений, — объявил он.

— Мог он сам повернуться? — спросил стражник.

— Кто?

— Топор.

Кузнец рассмеялся. Дорн не рассмеялся.

— Рука пошла как надо, — тихо произнёс он. — Я это помню.

Ина посмотрела на него.

— Тогда почему промахнулся?

— Не знаю.

Это было самое честное, что он мог сказать. Я почувствовал такую благодарность, что, будь у меня рот, наверняка всё испортил бы.

Стражник велел Дорну идти к следователю. Дорн не сдвинулся.

— Там, на берегу, нашли ключи Кела? — спросил он.

— Нашли.

— Один ключ был сломан?

— Нет.

— Тогда не говорите, будто он пытался открыть калитку. Он мог снять цепь, пока толпа ещё стояла далеко. А потом стало поздно.

Стражник впервые за день перестал подбирать удобные ответы.

Дорн ушёл. Ина осталась и достала из передника сложенный лист. Это был её первоначальный чертёж. Она положила его поверх заключения кузнеца.

— Смотри, — сказала она Эрну. — Петли снаружи. Створка выходит от толпы. Я рисовала правильно.

— Почему сделали иначе?

— Смотритель велел переставить, чтобы зрители не выходили через служебную тропу. Я переделала чертёж. Подписала новую версию сама.

— Значит, ты предупреждала?

— Вчера — да. А когда подписывала переделку за две недели до казни — нет.

Писарь потянулся к перу, но Ина остановила его.

— Не записывай, что я возражала. Я не возражала. Я подчинилась.

С этими словами она оставила на столе три серебряные монеты. Тив спрятал их в ящик, где хранил обрезки хорошей стали.

Когда кузница опустела, я лежал рядом с чертежом. На нём красными чернилами был перечёркнут первоначальный выход. Я видел лишь его крошечное отражение на своём лезвии — кривую красную черту, больше похожую на порез.

Девятнадцать погибших. Восемнадцать имён. Один запрет на выход, который можно было не подписывать.

И ещё один отказ, совершённый мною.

Эрн перевернул лист и оставил свободной строку номер девятнадцать. Ина попросила не проводить в ней черту до конца страницы. Писарь возразил, что это некрасиво. Потом всё-таки отложил перо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.